

Новейшая российская история: исследования и документы

**Modern Russian History Program
University of Notre Dame**

**Modern and Contemporary Russian History: Documents and
Monographs**

Vol. 2

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Bd. 2

A.B. Nikolaev

**Duma Politics during the February Revolution
Historical Essays**

Riazan

2002

**Программа по изучению новой и новейшей русской истории
Нотр-Дамский университет (США)**

Новейшая русская история: исследования и документы

Том 2

А.Б. Николаев

Государственная дума в Февральской революции: очерки истории

Рязань

2002

**Modern and Contemporary Russian History:
Documents and Monographs**

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Editors

S. Lyandres, University of Notre Dame (USA)
P. Tribunskii, Fine Arts Lyceum, Riazan' (Russia)
D. Wulff, German Academic Exchange Service (DAAD)/Voronezh State University (Germany/Russia)

Editorial board

B.V. Anan'ich, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia)
T. Emmons, Stanford University (USA)
G.M. Hamburg, University of Notre Dame (USA)
M.D. Karpachev, Voronezh State University (Russia)
S. Merl, Universität Bielefeld (Germany)
S.I. Mikhal'chenko, Bryansk State University (Russia)
Iu.A. Petrov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)
A.B. Sokolov, Yaroslavl' State Pedagogical University (Russia)
A. Walicki, University of Notre Dame/Polish Academy of Sciences (USA/Poland)

Новейшая русская история: исследования и документы

Редакторы серии:

Д. Вульф, Немецкая служба академических обменов / Воронежский государственный университет (Германия/Россия)
С.М. Ляндрес, Нотр-Дамский университет (США)
П.А. Трибунский, Лицей искусств, Рязань (Россия)

Редакционный совет серии:

Б.В. Ананьич, Институт российской истории РАН, Санкт-Петербург (Россия)
А. Валицкий, Нотр-Дамский университет/Польская Академия наук (США/Польша)
М.Д. Карпачев, Воронежский государственный университет (Россия)
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
С.И. Михальченко, Брянский государственный университет (Россия)
Ю.А. Петров, Институт российской истории РАН, Москва (Россия)
А.Б. Соколов, Ярославский государственный педагогический университет (Россия)
Г.М. Хамбург, Нотр-Дамский университет (США)
Т. Эммонс, Стэнфордский университет (США)

УДК 947.083.78
ББК 63.3(2)524.2
Н632

The publication of this monograph is made possible by support from the Institute for Scholarship in the Liberal Arts and the Committee for Russian and East European Studies, College of Arts and Letters, University of Notre Dame, and from Robert and Leslie Lacin, Goldsboro, North Carolina.

Николаев А.Б.

Н632 Государственная дума в Февральской революции / Предисл. С.М.Ляндрес. - Рязань, 2002. - 302 с. - (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т.2)

ISBN 5-94473-002-1

В очерках рассказывается о той роли, которую сыграла IV Государственная дума в дни Февральской революции. На новом историческом материале Дума представлена как центр революции и штаб восстания. Значительное внимание уделено характеристике Временного комитета Государственной думы как первого Временного правительства. Впервые, столь подробно в отечественной историографии, показано участие Государственной думы в разрешении важнейших вопросов революции: военного, продовольственного, охраны общественного порядка и др. В монографии проводится мысль о том, что успех в разрешении этих вопросов был обеспечен политикой сотрудничества с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, которая проводилась думским руководством. Эта политика реализовывалась в деятельности различных думско-советских комиссий. В книге подробно рассказывается о Военной и Продовольственной комиссиях. Впервые в историографии показана история Низшей следственной комиссии. В очерках рассматривается вопрос о взаимоотношениях Временного правительства и Государственной думы и ее Временного комитета в марте 1917 г.

Издание предназначено для специалистов-историков и всех, интересующихся историей России.

Охраняется законом РФ об авторском праве и смежных правах. Воспроизведение всей книги или ее любой части (в том числе, в электронном виде) без письменного разрешения авторов, издателя и редакторов серии запрещается. Попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-94473-002-1

- © А.Б. Николаев, 2002
- © Д. Вульф, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2002
- © С.М. Ляндрес, предисловие, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2002
- © П.А. Трибунский, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

В исторической литературе IV Государственной думе до сих пор не везло. Корни этого невезения, по-видимому, кроются в ее «неудачном» социальном происхождении. Уже с первых дней работы на последнее народное представительство старой России, избранное по ограничительному третьеиюньскому закону, был повешен ярлык «узкоцензового». Вслед за его роспуском к классовому добавились политико-идеологические клише — «законопослушного» и «контрреволюционного». Их закреплению в отечественной историографии способствовали жесткие идеологические установки советского времени и отсутствие полноценного доступа к архивным материалам.

Недостаточное внимание западных исследователей к IV Думе связано преимущественно с тем, что ее «происхождение» и якобы законопослушное поведение не вписывались в рамки господствовавших до недавнего времени концепций о непреодолимой «двойной поляризации» русского общества накануне революции, сугубо стихийном характере февральско-мартовских событий 1917 г. в Петрограде и о «двоевластии» как призме, через которую только и можно объяснить политическую историю русской революции. В результате, остались практически неизученными основы думской политики, функционирование ее аппарата, степень популярности Думы среди различных слоев населения, ее роль в Февральской революции и место в политическом и правовом строе нового (переходного) революционного режима.

Исторические исследования последних лет также не дают оснований надеяться на скорые перемены в сложившемся в историографии положении. Особенно обращает на себя внимание почти повальное увлечение так называемым «лингвистическим поворотом», для последователей которого задачей исторического исследования уже не является выяснение *wie es eigentlich gewesen*.

Эти обстоятельства наряду с беспрецедентным, начиная с 1991 г., доступом к архивным материалам подтолкнули автора этих строк и его российских коллег А.В.Смолина (РГПУ им. А.И.Герцена, СПб) и В.Ю.Черняева (ИРИ РАН, СПб) к организации постоянно действующего международного семинара по изучению политической истории 1915 — 1917 гг., особенно идейно-политических, правовых и организационных истоков Временного правительства и его думских корней. Уже во время работы первого семинара в мае 1998 г. стало очевидным, что накоплен и обработан значительный массив новых материалов, позволяющий на данном, все еще собирательном, этапе подвергнуть сомнению устоявшиеся представления о степени оппозиционности IV Думы по отношению к монархическому строю и о той роли, которую она сыграла в процессе смещения старой и конструирования новой революционной власти в Петрограде в феврале-марте 1917 г.¹

Эти выводы еще больше подтвердились при обсуждении докладов и сообщений на втором семинаре в ноябре 1999 г. В последний день работы семинара с заключительным словом к его участникам обратился Теренс Эммонс. Отметив

высокий научный уровень докладов и последующей дискуссии, он призвал выступавших подготовить к печати обобщающую коллективную монографию (очерки), в которой бы подвергся пересмотру ряд ключевых проблем политической истории 1915 – 1917 гг.: от образования Прогрессивного блока и до первых месяцев деятельности Временного правительства. Предложение Эммонса было с энтузиазмом воспринято участниками семинара, а общая редакция коллективных очерков возложена на пишущего эти строки. Однако в процессе их подготовки выяснилось, что объем собранных авторами исторических материалов заслуживает того, чтобы отдельные очерки были изданы в виде самостоятельных монографий. Первая из них² – «Государственная дума в Февральской революции: очерки истории» – и предлагается вниманию читателей в нынешнем, втором, томе серии «Новейшая российская история: исследования и документы».

Следует отметить, что название и форма изложения публикуемого исследования объясняются первоначальными планами подготовки коллективного труда (очерков), основанного на результатах работы упомянутого семинара. Не со всеми выводами А.Б.Николаева можно согласиться. Более убедительное обоснование одних еще потребует привлечения дополнительных источников, некоторые другие можно вполне аргументированно оспорить уже теперь. Вместе с тем объем и новизна вводимых в оборот источников, а также уровень «погружения» автора в материал оправдывают публикацию «Очерков» в их нынешнем виде.

А.Б.Николаев убедительно показывает, что «законопослушная» и «контрреволюционная» IV Дума сыграла в февральско-мартовских событиях 1917 г. решающую и, несомненно, революционную роль. Именно Государственная дума заложила основы новой власти, создав *de facto* первое революционное правительство в лице Временного комитета ее членов (ВКГД), который уже 27 февраля 1917 г., буквально в считанные часы, превратился в «достаточно эффективно функционирующий орган власти», организовал управление государственным аппаратом империи.³ Деятельность ВКГД не сопровождалась разрушением старого государственного аппарата, который, наоборот, был сохранен и продолжал действовать во многом благодаря созданному Временным комитетом институту думских комиссаров. Новая власть в столице носила определенно думско-советский характер. ВКГД не только участвовал в образовании Петроградского совета, но и будучи более организованной и лучше технически оснащенной силой, благодаря в первую очередь созданной при ВКГД Военной комиссии (своего рода штаба по руководству восстанием), оказывал Петросовету значительную и разнообразную поддержку, четко разграничивая при этом сферу соответствующих полномочий. Исследование Николаева кладет начало основательному пересмотру традиционных представлений о происхождении «двоевластия», ведущей роли Петросовета в «Февральские дни» и его взаимоотношениях с ВКГД, по крайней мере до момента образования Временного правительства, отречения Николая II и отказа в. кн. Михаила Александровича от принятия престола.

С.М.Ляндрес

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о первом заседании семинара см.: Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 году. Международный семинар историков в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1999. № 4. С. 103–113. Полный текст докладов был опубликован под нашей редакцией в специальном выпуске американского славистского журнала *The Soviet and Post-Soviet Review* (1997) [Summer 1999]. Vol. 23, № 4.

² В ближайшее время будут также опубликованы монографии С.В.Куликова, Б.М.Витенберга и С.М.Ляндреса.

³ См.: *Витенберг Б.М.* История и историки 1917-го: прежняя жизнь, другая жизнь // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С. 336.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемые читателю очерки посвящены всего лишь нескольким дням из почти пятилетней истории IV Государственной думы. Но это были особые, революционные дни, в ходе которых была свергнута династия Романовых. В связи с этим встает вопрос о том, какую роль в событиях Февральской революции сыграла Государственная дума, избранная на основе третьеиюньского ограничительного избирательного закона? Попытка найти ответ на этот вопрос и является основной целью нашего исследования.

Казалось бы, за прошедшие после событий Февраля 1917 г. восемьдесят пять лет историки должны были написать десятки томов по истории Государственной думы и определить ее роль в революции. К сожалению, этого не произошло. Поэтому уже ставшую знаменитой¹ фразу И.М.Пушкаревой о том, что Февральской революции «не повезло в советской историографии»² можно дополнить, сказав, что не повезло и Государственной думе. Действительно, за весь период развития советской исторической науки (о новейшей историографии будет сказано ниже) увидела свет только одна монография и опубликовано несколько статей, которые были специально посвящены данной теме. Речь идет о монографии Е.Д.Черменского, а также о работах В.В.Комина и Д.В.Ознобишина.³ Правда, все они были созданы в рамках уже установившегося канона официальных оценок революции.

В 1920-х гг. советской исторической науке еще был присущ плюрализм мнений. Он проявлялся, в частности, в том, что одни авторы называли Думу (наряду с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов) центром движения.⁴ Другие считали, что Государственная дума не сыграла в революции никакой роли.⁵ Третьи вообще ничего не говорили об участии Государственной думы в Февральской революции.⁶

В эти же годы в советской исторической науке развернулась дискуссия о соотношении «стихийного» и «сознательного» в Февральской революции, которая закончилась к началу 1930-х гг. победой сторонников концепции о руководящей роли партии большевиков в революции.⁷ Эта концепция на долгие годы стала господствующей в советской исторической науке. Отразилась ли дискуссия и, соответственно, поражение «стихийников» на рассмотрении собственно вопроса о роли Государственной думы в Февральской революции?

Можно утверждать, что для объективной характеристики Государственной думы споры о «стихийном» и «сознательном» в революции решающего значения не имели. Дело состояло в том, что сторонники и первой (С.А.Пионтковский, К.Шелавин)⁸, и второй (О.А.Лидак, А.Кучкин)⁹ концепций революции считали Государственную думу контрреволюционным органом. И те, и другие подчеркивали, что Дума стала центром движения, притворилась сторонницей революции, чтобы затем уничтожить ее.

Начиная с 1960-х гг. шло накопление новых источников, что отразилось на более широком показе деятельности Государственной думы в дни Февраля 1917 г. Однако сохранялась преемственность с прежней концепцией, которая была закреплена в советской исторической науке идеологическими установками тогдашнего политического режима. Поэтому исследователи в общих и специальных исследованиях были вынуждены эксплуатировать тезис о контрреволюционности Государственной думы. К нему, в частности, прибегали в своих работах Г.Н.Голиков, В.В.Комин, Э.Н.Бурджалов, Х.М.Астрахан, Е.Д.Черменский, И.И.Минц, Н.Г.Думова и др.¹⁰ Крупнейший историк революции 1917 г. В.И.Старцев в своей монографии 1980 г. также отказался характеризовать действия Государственной думы в дни Февральской революции как проявление ее руководящей роли, считая это легендой.¹¹ Однако он старательно избегал употребления понятия «контрреволюционная» применительно к Государственной думе. Опираясь на мемуарные источники, ранее так широко не вводимые в исторические исследования, он показал весьма разностороннюю деятельность Временного комитета Государственной думы (ВКГД). Новизна работ Старцева состояла и в том, что он доказал наличие «масонского следа» в Февральской революции.¹² Хотя и делал это с оговоркой, что «масонские связи быстро рвались под влиянием могучего дыхания революции».¹³ Учитывая наличие депутатов Государственной думы среди масонов и существование в Думе масонской ложи, можно утверждать, что исследователь давал понять о некоторой организующей роли Думы в революции.¹⁴

Конечно, советская историография не ограничивалась только констатацией контрреволюционного характера Государственной думы. В трудах советских историков рассматривались и другие вопросы истории Думы. Э.Н.Бурджалов, в частности, попытался найти ответ на вопрос, почему восставшие солдатские массы устремились 27 февраля к Таврическому дворцу. Он писал: «Солдаты, нарушившие присягу царю и присоединившиеся к народу, хотели получить одобрение своим действиям у этого “законного учреждения”. Офицеры, присоединившиеся к солдатам, масса городского люда, поддержавшая восстание, стремилась санкционировать свои выступления авторитетом Думы». Заметим, что Бурджалов признавал значение и топографического фактора,¹⁵ но называл его второстепенным.¹⁶ Массы, двинувшиеся к Таврическому дворцу, по Бурджалову, — это неразвитые в политическом отношении слои населения. Если бы эти «народные массы» бегали по городу в поисках большевистского центра, то это было бы движение развитых в политическом отношении социальных слоев. Абсурдность такой трактовки тяготения к Го-

сударственной думе солдат, рабочих, офицеров, студентов и обывателей ясна, но, видимо, тогда иначе и нельзя было намекнуть на то, что Дума играла какую-то роль в революции.

Гипотеза Бурджалова была принята многими советскими историками и их зарубежными коллегами. Некоторые из них акцентировали внимание на том, что первыми к Таврическому дворцу пришли солдаты и несколько позднее к ним присоединились рабочие, но все они составляли политически неискушенную массу.¹⁷ В.С.Дякин также писал о движении восставших солдат к Государственной думе. Но он, пожалуй, первым из историков намекнул на то, что Дума имела к организации этого движения какое-то отношение: «С раннего утра 27 февраля начался массовый переход на сторону революции солдат петроградского гарнизона. Выступление солдат заставило Думу активизироваться и предпринять попытку повлиять на развертывание событий в желательном для нее направлении». Заметим, что Дякин говорил о трех волнах движения восставших солдат к Государственной думе 27 февраля: около часа дня в Таврический дворец прибыла делегация восставших солдат; около 2 часов дня «отряды восставших солдат и вооруженных рабочих взяли на себя охрану Таврического дворца»; затем поступило «сообщение о том, что к Таврическому дворцу приближается новый отряд восставших солдат».¹⁸

Взгляды Э.Н.Бурджалова и его сторонников были подвергнуты критике со стороны Е.Д.Черменского. «Нам представляется, — писал он, — что Бурджалов и Дякин преувеличивают престиж Думы в солдатской массе».¹⁹ Однако позиция Черменского не нашла широкой поддержки среди исследователей. В.И.Старцев, например, подчеркивал, что в дни Февральской революции авторитет Государственной думы стоял «весьма высоко в глазах широких народных масс, впервые приобщавшихся к открытой политической жизни».²⁰ И.М.Пушкарева, развивая суждение Бурджалова, утверждала, что офицеры, присоединившиеся к восставшим солдатам, были склонны «переоценивать роль Думы в политической борьбе». Кроме этого, она признала важным фактором, повлиявшим на движение восставших к Таврическому дворцу, агитацию «лидеров мелкобуржуазных организаций, поддерживающих ее как политическое учреждение, способное возглавить революцию».²¹ И.П.Лейберов перечислил фамилии ряда думцев, которые предприняли усилия, направленные на организацию движения восставших к Таврическому дворцу.²²

В советской историографии сложились различные взгляды и по вопросу о функциях Временного комитета Государственной думы. Некоторые исследователи были склонны придавать ему характер правительственной власти. Так, С.А.Пионтковский в своих очерках, вышедших в 1923 г., характеризовал ВКГД как правительственный аппарат буржуазии, который после создания «сейчас же обнаруживает энергичную деятельность».²³ Д.В.Ознобишин в работе 1965 г. называл ВКГД «временным правительством первого состава».²⁴ И.И.Минц в своем трехтомнике признавал наличие властных функций у ВКГД и на конкретных фактах показал его шаги, направленные на закрепление этой власти за собой.²⁵

Но в советской исторической науке еще с 1920-х гг. были исследователи, которые отказывались признавать за ВКГД властные функции. М.Н.Покровский, например, утверждал, что последний «властью ни фактически, ни юридически» не обладал, а «фактической властью тогда был Петроградский Совет рабочих депутатов и его исполком».²⁶ А.Кучкин писал о бессилии ВКГД: «И только после санкции Совета распоряжения Временного комитета были действительны».²⁷ Э.Н.Бурджалов доказывал, что ВКГД правительством не был, т.к. «его власть была призрачной».²⁸ Н.К.Стрелкова в своей статье 1967 г. стояла на аналогичных позициях: «Временный комитет без согласия Совета не мог осуществить ни одного распоряжения».²⁹

Характеризуя деятельность ВКГД, уже первые советские историки обратили внимание на его комиссаров. Они утверждали, что ВКГД 28 февраля назначил комиссаров для заведования министерствами.³⁰ В дальнейшем датировка была уточнена, и в работах 1960-1980-х гг. исследователи указывали на то, что решение о назначении комиссаров было принято ВКГД в ночь с 27 на 28 февраля. Но хроника назначения комиссаров (и вступления их в должность) в советской историографии полностью не установлена. Так, И.И.Минц писал: «28 февраля во все министерства были посланы члены Государственной думы в качестве комиссаров».³¹ В.И.Старцев был убежден, что большинство комиссаров ВКГД приступили к своим обязанностям 28 февраля.³² При этом Минц, Старцев и некоторые другие историки³³ не учли выводов В.В.Комина и Д.В.Ознобишина о двух волнах назначения комиссаров Думы — 28 февраля и 1 марта.³⁴

Начиная с 1920-х гг. в советской историографии утвердилось мнение о присутствии в правительственных учреждениях только 24 комиссаров ВКГД.³⁵ Эти высказывания опирались на список комиссаров, опубликованный в «Известиях» Комитета петроградских журналистов» (1917. 1 марта). Что касается анализа состава института комиссаров ВКГД в правительственных учреждениях, то он в советской историографии был далеко не полон. Н.Г.Думова говорила только о комиссарах ВКГД из числа кадетов — 11 человек.³⁶ И.И.Минц привел партийность 22 комиссаров Думы, работавших в министерствах.³⁷ В кандидатской диссертации Д.В.Петровой и в монографии Е.Д.Черменского содержится утверждение о том, что ВКГД направил в правительственные учреждения комиссаров исключительно из числа членов Государственной думы.³⁸

Говоря о деятельности комиссаров ВКГД в государственных учреждениях, большинство исследователей подчеркивали, что она была направлена не на демократизацию и реформирование, а на сохранение старых порядков и кадров. Вместе с тем В.И.Старцев оценивал деятельность думских комиссаров в государственных учреждениях как энергичную и успешную.³⁹

В советской историографии также отсутствует ясность по поводу думцев, направленных ВКГД в дни Февраля 1917 г. в воинские части. Исследователи в подавляющем большинстве случаев обходили стороной вопрос о работе членов Думы (которых мы склонны называть «комиссарами») среди восставших солдат Петроградского гарнизона. Однако в работах

И.И.Минца и Н.Г.Думовой этот вопрос получил некоторое разъяснение. Минц писал о группе членов Государственной думы, направленной в воинские части «для разъяснения мер, принимаемых Временным комитетом». Автор разъяснял истинную цель посылки думцев: «На деле речь шла об “успокоении” солдат и подчинении их влиянию буржуазии».⁴⁰ Но ни количественный, ни персональный состав этих думцев Минц в своей работе не привел. Н.Г.Думова, упоминая факт посылки кадетских комиссаров из числа депутатов Думы в Петроградский гарнизон, уточняла, что «одну из главных задач кадеты видели в восстановлении власти офицеров». Думова назвала фамилии 5 комиссаров ВКГД, но не разъяснила, кто из них был командирован в воинские части Петроградского гарнизона, а кто — в пригороды.⁴¹

Начиная с 1960-1970-х гг. исследователи стали обращать более пристальное внимание на комиссаров, действовавших на местном уровне. О местных комиссарах ВКГД сообщали в своих работах Э.Н.Бурджалов и А.Я.Грунт.⁴² Заметим, что в советской историографии речь в большинстве случаев шла о комиссарах, которые были посланы ВКГД на места уже после образования Временного правительства. Тем самым принижался вклад ВКГД в организацию власти на местах и наведение там порядка непосредственно во время революции.

Рассмотрение вопроса о создании Военной комиссии также шло в русле показа конкретных шагов ВКГД, направленных на борьбу с революцией и укрепление его власти. А.Кучкин писал, например, что ВКГД создал Военную комиссию, «ввел в ее состав несколько генералов и офицеров и вменил ей в обязанность немедленно обуздать солдат, восстановить среди них царскую дисциплину».⁴³ Позднее исследователи подчеркивали, что ВКГД пытался «подчинить себе восставшие войска и использовать их для подавления “беспорядков” в столице».⁴⁴ И.И.Минц, характеризуя деятельность Военной комиссии, также подчеркивал ее контрреволюционный характер.⁴⁵ Выяснение обстоятельств объединения Военных комиссий ВКГД и Петроградского Совета привело к появлению различных точек зрения, разбор которых мы даем ниже, в тексте очерков. Укажем, что персональный состав Военной комиссии оставался неизученным. Историки ограничивались упоминанием десятка фамилий ее членов и сотрудников. Остался малоизученным и вопрос о составе другой думско-советской комиссии — Продовольственной. Говоря о Продовольственной и Военной комиссиях, отметим, что их история как проявления сотрудничества ВКГД и Петроградского Совета была наиболее полно и удачно рассмотрена в монографии Ю.С.Токарева. Это сотрудничество, по мнению автора, обеспечивалось тем, что и Совет, и ВКГД «в силу ряда причин были вынуждены идти на взаимные уступки и компромиссы».⁴⁶

Совершенно не изучена деятельность следственных структур Государственной думы, за исключением, пожалуй, Министерского павильона. Но и этот интерес в большинстве случаев ограничивался упоминанием арестованных царских сановников, которые стали узниками Павильона. Персональный состав следственных структур не привлек внимания исследователей, и они ограничивались указанием нескольких фамилий де-

путатов, работавших в Министерском павильоне и Высшей следственной комиссии.⁴⁷

Относительно вопроса о судьбе Государственной думы после Февральской революции в советской исторической науке единого мнения не сложилось. Некоторые историки считали, что Государственная дума после Февральской революции сошла с политической арены. Э.Н.Бурджалов писал, что после создания Временного правительства ВКГД «пришлось отойти в сторону». Автор признавал наличие у некоторых депутатов представления о сохранении за комитетом прав источника власти Временного правительства, на основе которого они хотели сохранить за ВКГД «контрольные или законодательные функции». Но тут же Бурджалов разъяснял: «Думский Комитет не был источником власти нового правительства хотя бы потому, что он сам по сути дела ею не обладал».⁴⁸ В.И.Старцев доказывал, что на первом же самостоятельном (без участия ВКГД) заседании Временного правительства придало себе диктаторский характер и тем самым решило вопрос о судьбе Думы.⁴⁹

В свою очередь, Д.В.Ознобишин был сторонником тезиса о сохранении за ВКГД и после образования Временного правительства функций верховной и опоры исполнительной власти.⁵⁰ Схожие взгляды отстаивал И.И.Минц, который считал, что Временный комитет Думы продолжал оставаться источником власти Временного правительства.⁵¹

В современных условиях историческая наука получила возможность развиваться свободно, без учета политико-идеологических установок. Но и эта новая ситуация не привела к появлению ни одного монографического исследования по революционной истории Думы. Хотя и было опубликовано несколько специальных статей. Итак, какие же стороны революционной истории Думы нашли свое отражение в общих и специальных работах, на что обращают свое внимание исследователи в первую очередь?

Среди работ последнего времени необходимо отметить статью Ф.А.Гайды, специально посвященную Государственной думе. Автор дает ей уничижительную характеристику: «Государственная дума и в самом деле к вечеру 27 февраля стала центром революции, но не как орган власти <...>, а как место, “помещение”, то есть как Таврический дворец,⁵² в который стеклись восставшие солдаты и рабочие, где тогда же начал заседать самозванный Совет рабочих и солдатских депутатов. Именно он теперь реально ассоциировался с революцией».⁵³

В новейшей литературе существует также утверждение о том, что революция произошла наперекор желанию думцев и усилиям предотвратить ее, а сама Дума оказалась центром движения помимо своей воли. Так, А.Ф.Смирнов пишет: «Опрокинув царское правительство, волна революции вынесла наверх ВКГД».⁵⁴ В.П.Булдаков придерживается таких же взглядов: «Известно, что восставшие рабочие и, особенно, солдаты устремились в Таврический дворец, дабы засвидетельствовать свою поддержку Государственной думе. Среди взбунтовавшихся сразу же обнаружилось желание побыстрее отыскать властную точку опоры в хаотично-непонятной действительности. Депутаты отнюдь не были готовы к тому, что толпа начнет возносить их к власти. Но случилось именно так».⁵⁵

Другие исследователи считают, что депутаты Думы «потянулись к власти, чтобы перехватить ее у левых партий <...> и тем попытаться затормозить и остановить революцию».⁵⁶ Такую же позицию отстаивает И.Л.Архипов в своей статье о феномене Государственной думы.⁵⁷

Вместе с тем появились работы, авторы которых склонны придавать Государственной думе значение важного участника революции. Так, В.А.Демин утверждает, что «Февральская революция победила (была признана страной) исключительно благодаря поддержке Государственной думы».⁵⁸ Но и здесь высокая оценка Государственной думы дается не благодаря ее активному участию в руководстве восстанием и революцией, а потому, что она поддержала революцию.

В отечественной исторической науке продолжается спор о функциях Временного комитета Государственной думы. Так, В.А.Демин пишет, что ВКГД «до 2 марта являлся чем-то вроде правительства».⁵⁹ В свою очередь, А.Ф.Смирнов считает, что «ВКГД правительством не стал».⁶⁰ Попытка выяснить роль ВКГД в механизме Временной власти была принята в ряде работ последнего времени.⁶¹

Вопрос о комиссарах Временного комитета Государственной думы затрагивался в некоторых работах. Так, Н.В.Белошапка, следуя за Старцевым, пишет о том, что большинство комиссаров ВКГД приступили к своим обязанностям 28 февраля.⁶² В.А.Демин говорит о направлении ВКГД комиссаров из числа исключительно членов Государственной думы.⁶³ В современных исследованиях появляются намеки на то, что какие-то, пусть и незначительные, изменения комиссары ВКГД все-таки вносили в подведомственные им учреждения. Г.А.Герасименко замечает: «Конечно, многое из того, что комиссары нашли, пришлось заменить, кое-что подправить и дополнить».⁶⁴

История думско-советских комиссий в новейшее время практически не изучалась, за исключением Военной комиссии, которой было посвящено несколько работ.⁶⁵

По вопросу о судьбе Государственной думы после Февральской революции в исторической литературе преобладают взгляды, согласно которым ее права как источника власти Временного правительства отвергаются полностью или подвергаются сомнению. Ф.А.Гайда считает, что Государственная дума потеряла право участия во власти Временного правительства, согласно Акту великого князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г.⁶⁶ Н.В.Белошапка в своей монографии следует суждению В.И.Старцева об «отмене» Государственной думы на первом самостоятельном заседании Временного правительства.⁶⁷ А.Ф.Смирнов и Н.Н.Смирнов также придерживаются точки зрения о «гибели» Думы после Февраля 1917 г. и считают главным виновником этого Временное правительство.⁶⁸

Западная историография, по словам американского историка Д.Аниана, сыграла (и продолжает играть!) роль заполнителя «зияющей бреши» в изучении Февральской революции, в том числе и революционной истории Государственной думы.⁶⁹ Аниан пишет по этому поводу: «Роль Государственной думы, которую большевистская историография сильно преуменьшает, была в представлении западных историков огромна».⁷⁰

Внимание к Государственной думе как важному участнику Февральской революции сложилось в западной историографии под влиянием эмигрантской литературы, в первую очередь, благодаря трудам П.Н.Милюкова. В своей «Истории второй русской революции» он утверждал, что именно вмешательство Думы «дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии».⁷¹ Милюков много размышлял о роли Государственной думы в революции, вносил поправки в свою концепцию и вновь возвращался к первоначальным взглядам. Десять лет спустя после революции он писал в своей книге «Россия на переломе», что революция свершилась не Думой, а против ее воли, но революция «победила с того момента, когда во главе ее стала не сила, а символ: законопослушная четвертая Дума». Но в этой же работе он признавал: «Русские реакционеры совершенно правы, когда они считают думских лидеров ответственными за успех революции».⁷²

Конечно, абсолютизировать влияние взглядов Милюкова на развитие западной историографии нельзя. Среди историков были и противники высокой оценки Государственной думы в Февральской революции. Так, М.Смилг-Бенарио в работе 1928 г. утверждал, что «руководство Думы с самого начала противопоставило себя революции». У.Г.Чемберлин в своей знаменитой двухтомной истории русской революции, вышедшей в 1935 г., подчеркивал отставание Думы «от людей, занявших улицы Петрограда».⁷³

Но постепенно в западной историографии стала преобладать высокая оценка деятельности Государственной думы и ее органов в событиях Февраля 1917 г. В 50-летнюю годовщину революции была опубликована монография Г.М.Каткова, в которой, как склонны считать многие исследователи, автор объявил Февральскую революцию результатом деятельности германских агентов, масонов и либералов. Оставляя без внимания «германский след», отметим, что «обвинения» в адрес масонов и либералов способствовали признанию важной роли Государственной думы в организации и руководстве Февральской революции, т.к. значительная часть думцев действительно принадлежала к либеральному лагерю, а некоторые депутаты входили в думскую масонскую ложу. Кроме этого, Катков признавал, что Временный комитет Государственной думы стал вождем восстания с того момента, когда «толпа рабочих, солдат и интеллигентов» «наводнила Таврический дворец» и «потребовала, чтобы их выслушали, распропагандировали, организовали и наполнили их действия политическим содержанием».⁷⁴

В ряде работ роль Думы в революции была показана вполне определенно. Например, Р.Р.Абрамович в работе 1962 г. писал, что ВКГД, Ставка и общественные организации сумели вырвать власть из «слабых рук царизма».⁷⁵ Д.Кармайкл признавал за Думой роль одного из центров власти (второй центр — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов). А.Уайлдман говорил о высоком авторитете Государственной думы в первый месяц революции; он утверждал, что Дума была тем органом, который «завершил революцию».⁷⁶

В 1993 г. на русском языке вышла монография З.Галили о меньшевистских лидерах, в которой содержатся важные замечания и интересные

выводы. Так, Галили пишет о движении 27 февраля солдат и рабочих к Государственной думе с целью найти в ней руководителя, получить «руководящие указания». Она утверждает, что думские либералы «приняли решение взять на себя руководство восстанием». Несомненно, что на успех революции повлияло сотрудничество ВКГД и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Поэтому Галили, описывая разрешение продовольственного вопроса, совершенно справедливо замечает: «Снабжение населения столицы основными продуктами питания требовало тесного сотрудничества с комитетом Думы. В одиночку продовольственная комиссия Совета не могла ни гарантировать содействие железнодорожников в доставке продуктов в столицу, ни получить доступ к оставшимся в городе запасам». Столь же неизбежным было и сотрудничество в военном вопросе, которое, по мнению Галили, было прекращено по инициативе Исполкома Петроградского Совета лишь 1 марта с принятием Приказа № 1. Но совместная работа и после 1 марта имела неплохие перспективы: «Дума все еще могла обратиться за поддержкой к генералам, по-прежнему командовавшим войсками. Зато Совет стал высшей инстанцией для солдат Петроградского гарнизона. Более того, на сотрудничестве Совета с Думой как условия своей поддержки настаивали и социальные группы, колебавшиеся между двумя лагерями революции, — инженеры, студенты, младший командный состав армии, специалисты-снабженцы, то есть все те, без кого не может функционировать ни одна администрация».⁷⁷

Покажу, наибольший вклад в изучение революционной истории Государственной думы внес американский историк Ц.Хасегава — автор блестящей монографии и большого количества статей, посвященных Февральской революции. В своих работах Хасегава приходит к выводу о том, что ВКГД являлся революционным органом. Но, признавая его действия «вполне революционными», автор считает, что ВКГД «субъективно <...> ставил перед собой задачу сдерживать ход революции, а вовсе не ускорить его». Хасегава доказывает, что решающими факторами в гибели монархии стали маневры Временного комитета Думы и слепая поддержка его политики высшим командованием.⁷⁸ Касаясь разрешения военного вопроса, автор выступает сторонником версии, согласно которой ВКГД «прибрал» к своим «рукам военную комиссию, созданную Петроградским Советом». Интересные суждения высказывает Хасегава и по вопросу о создании милиции. Он утверждает, что первоначально ВКГД «не занимался вопросами формирования милиции». 27 февраля инициатором создания рабочей милиции выступил Петроградский Совет рабочих депутатов. Аналогичные шаги предприняла Петроградская городская дума по созданию городской милиции. Но, характеризуя городскую милицию, Хасегава указывает, что она была создана «городской Думой в тесном сотрудничестве с Временным комитетом Государственной Думы». Думский центр организации милиции, по мнению автора, сложился лишь к 1 марта. Ситуация с одновременным сосуществованием двух милиций — рабочей и городской — привела к конфликту власти на локальном уровне. Хасегава пишет: «Уже 28 февраля Исполком Совета ясно показал, что он

намерен сотрудничать с думами в решении возникшего конфликта путем принесения в жертву независимости рабочей милиции». ⁷⁹ В новейшей статье он признает наличие думского источника организации милиции в лице ВКГД и относит начало его деятельности к 28 февраля 1917 г. Хасегава подчеркивает, что ВКГД вкладывал в процесс создания милиции принцип «государственности», т.е. милиция «должна была быть инструментом центрального правительства и находиться под его контролем». Третий источник создания милиции (городская дума), по мнению автора, действовал «полностью независимо от предпринятого Военной комиссией» и организовывал милицию, опираясь на принцип «общественности». ⁸⁰

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии вопрос о роли Государственной думы в Февральской революции в полной мере не раскрыт, а историческая литература наполнена противоречивыми суждениями и взаимоисключающими оценками, при наметившейся тенденции, суть которой состоит в принижении роли Думы. Причем даже в работах, где роль Думы оценивается высоко, присутствует некоторое сомнение в ее революционности. ⁸¹

Настоящие очерки основаны во многом на новых источниках, которые ранее в научный оборот или не вводились вообще, или использовались выборочно, вне комплексного подхода.

Важное значение для выяснения роли Государственной думы в создании своей собственной Временной власти имеют материалы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), фонде 1278 (Государственная дума). Благодаря этим источникам удалось реконструировать состав комиссаров ВКГД и некоторые стороны их деятельности. ⁸² Комплексное изучение дел Военной комиссии ВКГД (ВК ВКГД), находящихся в составе этого же фонда Государственной думы, позволило установить состав комиссии, а также конкретизировать ее деятельность по руководству восстанием в Петрограде. Часть сведений была почерпнута из дел Комиссии ВКГД по оказанию помощи жертвам революции и их семьям. ⁸³ Опираясь на эти документы, удалось внести некоторую ясность в вопрос о занятии Таврического дворца восставшими солдатами и рабочими, выявить неизвестных ранее активных участников революции, характер их связи с Государственной думой, а также пополнить список состава ВК ВКГД.

Впервые вводятся в научный оборот материалы фонда Следственной комиссии при Государственной думе (РГИА. Ф.1279). ⁸⁴ Дела включают в себя листки опросов арестованных лиц, начиная с дней Февральской революции. Записи велись от руки на «памятных листках», отдельных листах, полулистах, четвертках и полосках бумаги, оборотках думских приглашений, воззваний революционных дней и т.д. Опросные листы содержат информацию: а) об арестованных (фамилия, имя, отчество, должность, домашний адрес), б) о характере деятельности в дни Февральской революции, в) об обстоятельствах ареста, г) о лицах, которые производили аресты (конвоировали арестованных в Таврический дворец), д) об ответах на специальные вопросы членов Следственной комиссии, е) об изъятых вещах и

деньгах при обыске, ж) о членах Следственной комиссии, т.к. на опросных листах, в большинстве случаев, указывалась фамилия лица, который снимал опрос. В делах также содержится переписка по поводу жалоб и прошений, связанных с возвращением изъятого во время опросов и не возвращенного затем имущества (вещей, денег); материалы расследований фактов злоупотреблений и халатности членов Комиссии. Изучение всех этих документов позволило: а) составить представление о процессе развития революционного насилия в Петрограде и ходе вооруженного восстания, б) выяснить обстоятельства создания, а также роль Государственной думы в возникновении и организации деятельности этой комиссии, в) реконструировать состав Следственной комиссии.

Впервые вводятся в научный оборот материалы некоторых следственных дел, отложившихся в двух фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.): Ф.487 (Прокурор Петроградского окружного суда) и Ф.1695 (Прокурор Петроградской судебной палаты). Эти документы дают представление о деятельности различных следственных структур Государственной думы, несколько расширяют представления о деятельности ВКГД и его Военной комиссии в вопросах об арестах, охране общественного порядка и т.д.

Нами также привлекались различные материалы из Центрального государственного архива СПб. (ЦГА СПб.), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Архива Российской национальной библиотеки, Государственного музея политической истории России (ГМ ПИР), Архива музея Санкт-Петербургского университета (АМ СПбГУ), личного архива С.К.Зиновьева-Фитцлайн (неопубликованные воспоминания депутата IV Государственной думы Л.А.Зиновьева).

В очерках широко используется ежедневная столичная и провинциальная пресса 1917 г. Одним из важнейших источников являются материалы первой свободной газеты революционной России «Известия», которая выпускалась Комитетом петроградских журналистов начиная с 27 февраля 1917 г., «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», благовещенской газеты «Амурское эхо» (сообщение депутата Государственной думы А.И.Рыслева о событиях Февральской революции в Петрограде, опубликованное в трех номерах от 18, 21 и 23 апреля 1917 г.) и севастопольского «Крымского вестника» (сообщение депутата А.М.Александрова, напечатанное 15 марта).

Несомненный интерес представляют опубликованные мемуары участников революционных событий, а также различные сборники документов. В частности, уникальным источником для изучения взаимоотношений Думы и Совета, думско-советского сотрудничества в различных сферах является сборник протоколов и материалов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, изданный под редакцией Б.Д.Гальпериной, О.Н.Знаменского и В.И.Старцева. ⁸⁵

Отмеченные выше историографические пробелы, а также привлечение новых источников позволили вплотную приблизиться к выяснению задач исследования. Для того, чтобы разобраться в той роли, которую

Государственная дума играла в событиях Февральской революции, необходимо было: во-первых, выявить момент активного включения Государственной думы в революцию; во-вторых, показать конкретное участие Государственной думы в руководстве восстанием 27 февраля; в-третьих, выяснить степень участия и место Государственной думы в решении важнейших вопросов революционных дней, таких как создание и деятельность Временной власти Государственной думы, военный и продовольственный вопросы, вопрос о революционном насилии и охране порядка. Отдельной задачей очерков является выяснение вопроса о судьбе Государственной думы в послефевральский период.

За рамками исследования остались темы, получившие должную разработку в исторической науке: образование Временного правительства, ликвидация карательной экспедиции генерала Н.И.Иванова, отречение императора Николая II и отказ великого князя Михаила Александровича от взятия Верховной власти в свои руки.

Хронологические рамки исследования сознательно сужены. Это объясняется стремлением сконцентрировать внимание на решающих днях революции (27 февраля — 3 марта 1917 г.), в ходе которых роль Думы должна была проявиться в наибольшей степени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эту фразу использовал в 1971 г. американский ученый Д.Анин, давая историографическое введение к сборнику воспоминаний русских политиков. К ней прибегал П.В.Волобуев, в предисловии к одному из самых удачных, из опубликованных за последнее десятилетие, сборников статей и документов по истории Февраля 1917 г. (Анин Д. Революция и ее историография: (Введение) // Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М., 1991. С.9; Волобуев П.В. Вместо предисловия // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.3).

² Пушкарева И.М. Историография Февральской революции в России // Вопросы истории. 1967. № 2. С.3.

³ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Комин В.В. Контрреволюционная деятельность Государственной думы после свержения самодержавия. Март-октябрь 1917 года // Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М.И.Калинина. Серия историко-филологическая. Калинин, 1963. Т.34; Ознобишин Д.В. Временный Комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. 1965. Т.75.

⁴ Новицкий К.П. (Петровин К.). Год революции (1917 г. - Февраль. - 1918 г.): Краткий очерк развития Великой русской революции. М., 1918. С.10,12; Шелапин К. Рабочий класс и ВКП (б) в Февральской революции. Л., 1927. С.59.

⁵ Шестаков А.В. Исторический опыт Февраля // Коммунистическая революция. 1927. № 6. С.6.

⁶ Арский Р. Пути Русской Революции. (28 февр. 1917 г. — 28 февр. 1918 г.). Пгт., 1918; Быстрянский В. Революция буржуазная и революция пролетарская. Пгт., 1920.

⁷ О дискуссии см.: Знаменский О.Н. Советские историки о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции // Свержение самодержавия: Сб. ст. М., 1970. С.283-295.

⁸ Пионтковский С.А. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход: Популярно-исторический очерк. М., 1923. С.27; Шелапин К. Указ. соч. С.59.

⁹ Лидак О.А. Партия и рабочий класс от Февраля до июльских дней // Октябрь в Петрограде: Сб. ст. Л., 1933. С.23; Кучкин А. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года. М., 1938. С.40.

¹⁰ Голицов Г.Н. Очерк истории Великой Октябрьской революции. М., 1959. С.47; Комин В.В. Указ. соч. С.237,264 и др.; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн.1. С.72; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С.232; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С.38; Черменский Е.Д. Указ. соч. С.310-311; Миц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. М., 1977. Т.1.

С.482; Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С.71; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С.96 и др.

¹¹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С.48.

¹² В современной историографии существует справедливое утверждение о том, что В.И.Старцев первым в советской исторической науке дал российскому политическому масонству объективную оценку, с научных позиций заговорил о роли масонства в Февральской революции 1917 г. (Гальперина Б.Д. Старцев: от Ленина до Осендовского // История и Историк (к 65-летию В.И.Старцева). СПб., 1996. С.11; Витенберг Б.М. История и историки 1917-го: прежняя жизнь, другая жизнь // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С.336).

¹³ Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. М., 1978. С.206; он же. Внутренняя политика Временного правительства... С.123.

¹⁴ Только в 1990-х гг. Старцев смог открыто заявить, что влияние масонов, «наверное, было наивысшим в самый момент Февральской революции» (Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С.157. См. также переиздание: он же. Тайны русских масонов: Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 2001. С.129). В одной из своих последних статей он признал Думу участником подготовки Февральской революции: «<...> в идеологическую работу, в обработку массового сознания, в придание царю образа общенационального врага, который не дает власти Думе, свободы — народу, а армии — победы, огромный вклад внесла Государственная дума и созданный ею еще летом 1915 г. Прогрессивный блок, открытая критика власти с думской трибуны» (Старцев В.И. Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 года в Петрограде // 80 лет революции 1917 года в России. СПб., 1997. С.25)

¹⁵ По мнению С.Д.Мстиславского, Таврический дворец стал центром восстания благодаря тому, что был окружен казармами взбунтовавшихся гвардейских полков (Мстиславский С.Д. Гибель царизма. Л., 1927. С.74-75).

¹⁶ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. С.202.

¹⁷ Куккин Д.М., Алуф И.А., Лейберов И.П., Слепов Л.А. Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1971. С.178.

¹⁸ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. С.326-327.

¹⁹ Черменский Е.Д. Указ. соч. С.11.

²⁰ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.52.

²¹ Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С.187,188.

²² Лейберов И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С.239.

²³ Пионтковский С.А. Указ. соч. С.27.

²⁴ Ознобишин Д.В. Указ. соч. С.275.

²⁵ Миц И.И. Указ. соч. Т.1. С.510-514.

²⁶ Покровский М.Н. Октябрьская революция: Сб. ст. 1917-1927. М., 1929. С.119.

²⁷ Кучкин А. Указ. соч. С.43.

²⁸ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. С.280.

²⁹ Стрелкова Н.К. Возникновение двоевластия в России // Вопросы истории. 1967. № 3. С.209.

³⁰ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т.2, кн.1. С.180 (первое издание вышло в 1923); Шелапин К. Указ. соч. С.63.

³¹ Миц И.И. Указ. соч. Т.1. С.510.

³² Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.52.

³³ См. например: Стрелкова Н.К. Указ. соч. С.209.

³⁴ Комин В.В. Указ. соч. С.222; Ознобишин Д.В. Указ. соч. С.284.

³⁵ Новицкий К.П. (Петровин К.). Указ. соч. С.11; Шляпников А.Г. Указ. соч. С.180 и др.

³⁶ Думова Н.Г. Указ. соч. С.96.

³⁷ Миц И.И. Указ. соч. Т.1. С.510.

³⁸ Петрова Д.В. Четвертая Государственная дума (историко-правовое исследование) (1912-1917 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. С.271; Черменский Е.Д. Указ. соч. С.290.

³⁹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.51-52, 79.

⁴⁰ Миц И.И. Указ. соч. Т.1. С.510.

⁴¹ Думова Н.Г. Указ. соч. С.97.

⁴² Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С.29, 46; Грунт А.Я. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С.54.

⁴³ Кучкин А. Указ. соч. С.39.

⁴⁴ Черменский Е.Д. Указ. соч. С.291.

⁴⁵ См.: Миц И.И. Указ. соч. Т.1. С.510-511.

⁴⁶ Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С.82.

- ⁴⁷ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. С.264–266; Черменский Е.Д. Указ. соч. С.290–291.
- ⁴⁸ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. С.330.
- ⁴⁹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.116.
- ⁵⁰ Ознобишин Д.В. Указ. соч. С.275.
- ⁵¹ Миц И.И. Указ. соч. Т.1. С.516.
- ⁵² К.Шелавин писал о Таврическом дворце как «центре движения» еще в 1927 г. (Шелавин К. Указ. соч. С.59).
- ⁵³ Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С.34.
- ⁵⁴ Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской Империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С.586.
- ⁵⁵ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С.57.
- ⁵⁶ Шевырин В.М. Государственная дума в России. (1906–1917 гг.): Обзор. М., 1995. С.86.
- ⁵⁷ Архипов И.Л. Похороненная революцией: Феномен IV Государственной думы (1912–1917) // Звезда (СПб.). 2000. № 3. С.112–114.
- ⁵⁸ Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С.82.
- ⁵⁹ Там же. С.81–82.
- ⁶⁰ Смирнов А.Ф. Указ. соч. С.586.
- ⁶¹ См.: Николаев А.Б., Поливанов О.А. К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.131–144; Николаев А.Б. Думское участие в механизме функционирования Временной власти: 27 февраля–3 марта 1917 года // Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 году / Guest ed. S.M.Lyandres. Idyllwild (Cal.), 1999. P.129–145 (The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol.24, № 1–2); он же. Временный комитет Государственной думы: состав, полномочия и основные направления деятельности (27 февраля – 6 октября 1917) // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2001. С.73–74.
- ⁶² Белошанка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С.14.
- ⁶³ Демин В.А. Указ. соч. С.82.
- ⁶⁴ Герасименко Г.А. Состояние власти в России весной 1917 года // История России: диалог российских и американских историков. Материалы российско-американской научной конференции. [Г. Саратов, 18–22 мая 1992 года]. Саратов, 1994. С.135; он же. Народ и власть. (1917 год). М., 1995. С.13–14. О местных комиссарах ВКГД сообщают в своих работах Г.А.Герасименко и В.А.Демин (Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М., 1992. С.61; он же. Народ и власть... С.61; Демин В.А. Указ. соч. С.82). Однако плохое знание депутатского корпуса и особенностей деятельности ВКГД, активно привлекавшего к своей работе лиц, не являвшихся членами Государственной думы, приводит к фактическим ошибкам. Так, Г.А.Герасименко пишет, что депутат Государственной думы Золотарев оказал решающее влияние на процесс создания власти в Ярославской губернии. Однако такого депутата Государственной думы не было (Герасименко Г.А. Народ и власть... С.61; Общий список членов Государственной думы I, II, III, IV созывов. 1906–1913. СПб., 1993). Укажем, что в последнее время вышло несколько специальных статей, посвященных комиссарам ВКГД (См.: Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – начало марта 1917 г.) // Революция 1917 года в России. СПб., 1995. С.13–20; он же. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен (СПб.). 1995. Вып.5. С.46–74; он же. Комиссары Временного комитета в войсках (февраль–март 1917 г.) // Проблемы войны и мира и современные гуманитарные науки. СПб., 1995. С.59–63; он же. Думские комиссары в русской армии (февраль–март 1917 года) // Новый Часовой (СПб.). 1996. № 4. С.72–83).
- ⁶⁵ См.: Николаев А.Б. Формирование солдатского представительства в Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (февраль – начало марта 1917 года) // 80 лет революции 1917 года в России. СПб., 1997. С.36–39; он же. Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: персональный состав // Из глубины времен. 1998. Вып.10. С.27–103; Соболев Г.Л. Временный комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века: Сб. ст. памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999. С.502–509.
- ⁶⁶ Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы... С.35; он же. Механизм власти Временного правительства (март–апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С.143.
- ⁶⁷ Белошанка Н.В. Указ. соч. С.26.
- ⁶⁸ Смирнов А.Ф. Указ. соч. С.591; Смирнов Н.Н. Февраль и российская государственность // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш.Ганелина. СПб., 1998. С.311–312.

- ⁶⁹ Анин Д. Указ. соч. С.38–39.
- ⁷⁰ Там же. С.43.
- ⁷¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Т.1. Противоречия революции. С.39.
- ⁷² Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т.1. С.28,45.
- ⁷³ Смилг-Бенарио М. Крах царской монархии (Smilg-Benario M. Der Zusammenbruch der Zarenmonarchie. Zürich, 1928) /Реферировал В.В.Грек // Буржуазная историография Февральской революции в России: Реферативный сборник. М., 1974. С.66; Чемберлин У.Г. Русская революция 1917–1921 гг. (Chamberlin W.H. The Russian Revolution 1917–1921. N.Y., 1935. Vol.1–2) /Реферировал Ю.А.Беляев // Там же. С.99.
- ⁷⁴ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С.408.
- ⁷⁵ Abramovitch R.R. The Soviet revolution, 1917–1939. N.Y., 1962. P.17.
- ⁷⁶ Кармайкл Д. Краткая история русской революции (Carmichael J. A Short History of the Russian Revolution. N.Y., 1964) /Реферировал В.В.Грек // Буржуазная историография Февральской революции в России... С.175; Уайлдман А. Февральская революция в Русской армии (Wildman A. The February Revolution in the Russian Army // Soviet Studies (Glasgow). 1970. Vol.22, № 1 /Реферировал Е.Я.Виттенберг // Там же. С.300.
- ⁷⁷ Галли З. Лидеры меньшевиков в русской революции: Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993. С.21,28–29,54–61.
- ⁷⁸ Хасегава Ц. Проблема власти в Февральской революции 1917 г. в России (Hasegawa T. The Problem of Power in the February Revolution of 1917 in Russia // Canadian Slavonic Papers (Ottawa). 1972. Vol.14, № 14) /Реферировал В.К.Багдасаров // Буржуазная историография Февральской революции в России... С.305–306; он же. February Revolution. Petrograd, 1917. Seattle, Lnd., 1981. P.584,611–632; он же. Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. С.103–104.
- ⁷⁹ Хасегава Ц. Образование милиции в Февральской революции: один из аспектов генезиса двоевластия (Hasegawa T. The Formation of the Militia in the February Revolution: An Aspect of the Origins of Dual Power // Slavic Review (Seattle). 1973. Vol.32, № 2) /Реферировал В.В.Грек // Буржуазная историография Февральской революции в России... С.309–311.
- ⁸⁰ Хасегава Ц. Государственность, общественность и классовость: преступление, полиция и государство во время русской Революции в Петрограде // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей: К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001. С.220–221.
- ⁸¹ Pipes R. A Concise History of the Russian Revolution. N. Y., 1995. P.80; Figes O. A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. N. Y., 1997. P.326–327. См. также: Acton E., Cherniaev V.Iu., Rosenberg W.G. Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. Bloomington, 1997. P.56.
- ⁸² См.: Николаев А.Б. Источники по истории института комиссаров Временного комитета Государственной думы в марте 1917 г. (по материалам РГИА) // Исследования источников по истории революции 1917 года. СПб., 1996. С.10–24.
- ⁸³ Ранее материалы этих дел в научный оборот не вводились.
- ⁸⁴ Всего изучены – 2420 листов 35 дел. 3 дела (35, 37 и 38) остались неизученными, т.к. они не имеют прямого отношения к событиям Февральской революции в Петрограде. Заметим, что в годы Советской власти этот фонд был закрыт для исследователей. Единственным историком, допущенным к работе с ним, был Г.И.Злоказов.
- ⁸⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы и материалы. Л., 1991. Т.1.